

«ШТЕРН» О ЛУЧАНО ПАВАРОТТИ

И каждая нота — на вес золота

КТО-ТО, обожествляя своего кумира, зовет его «Лучианиссимо», кто-то — насмешливо «Большой П.». Говорят, что однажды за один гала-концерт он получил 250 тыс. долларов. И это похоже на правду, поскольку платить есть за что. Лучано Паваротти — знаменитый итальянский певец обладает таким голосом, который оценивается не иначе как дар божий.

— Вы — один из немногих людей на нашей планете — способны взять ноту «до ди петто» (необычность состоит в том, что эта нота поется так называемым грудным звуком). Этого не удавалось даже Карузо. Скажите, что вы чувствуете, когда готовитесь пропеть эту верхнюю «до»?

— Я чувствую то же, что и прыгун перед планкой, установленной на уровне мирового рекорда. Напряжение в каждом нерве. Возвращен и счастлив. И в то же время полон страха. Когда я беру ее, я почти теряю сознание.

— При звучании этого тона голосовые связки колеблются более 1000 раз в секунду. Возбуждение наносит непоправимый вред мозгу певцов — это утверждал дирижер Артуро Тосканини...

— Вам наверняка известны также психоаналитические исследования о мании величия и себялюбии многих маэстро?

— Верно. Но откуда берут начало все эти странности в поведении, которые приписывают тенорам? Говорят, например, что, прежде чем выйти на сцену, вы ищете кривой гвоздь.

— Давнее суеверие. Но мне и не нужно его искать: я ношу гвоздь в каждом костюме. Я жду также, что кто-нибудь в театре мне скажет перед выходом: «В пасть волка».

— Что это значит?

— Каждый выход на сцену —

это словно путь в волчью пасть. Я отвечаю всегда, что собираюсь убить волка.

— Скажите, влияет ли секс на голос и обладает ли голос сексуальностью?

— Что касается сексуальности голоса, об этом вам нужно было бы спросить собственно у женщин. А вообще, я получаю письма, в которых представительницы слабого пола пишут, что, слушая меня, они испытывают сексуальные ощущения. Что касается влияния секса на голос, то тут мифы еще курьезнее: в день до спектакля — нельзя, в день спектакля — не в состоянии, после него — слишком большая усталость, а на другой день — снова петь...

— Как живется с таким голосом? Не кажется ли он иногда чуждым и раздражающим своевольным существом в горле, от которого не можешь избавиться?

— Я бы этого не сказал. Конечно, я вынужден обращать внимание на свой голос, и я действительно воспринимаю его как божий дар, хранителем которого являюсь. Как охотно пробежался бы я под дождем или зани-

мался бы спортом, но я должен беречь голос.

— А как вы бережете этот божий дар?

— Ежедневная тренировка и как можно больше покоя, без разговоров. Говорить — это самое плохое для голоса, сон — самое лучшее.

— А если однажды умение не будет более соответствовать славе?

— Это люди заметят быстро. Но и себе самому нужно постоянно доказывать это соответствие. Когда я впервые давал концерт по телевидению, который транслировался по всей территории США, я знал, что должен доказать что-то миллионам людей. И я был словно парализован страхом. Только певец высокого ранга знает, в какие ловушки можно попасть и споткнуться.

— Вам приходилось уже испытать провал?

— О, да, несколько лет назад мой голос был не совсем в порядке. Меня освистали в Милане. В таких случаях выход только один: работать, а затем вернуться — и хорошо петь.

— Один врач, курирующий певцов, заметил однажды, что почти все его пациенты — любители поест. Принадлежите ли и вы к их числу?

— Стоит только взглянуть на меня, чтобы самому ответить на этот вопрос. Многие музыканты вынуждены есть после выступления, так как они обессилены и все еще напряжены. Я должен есть временами даже чаще их. В этом отношении я довольно склонен к излишествам.

— Есть у вас мечта?

— Да. Я хотел бы однажды сделать одну запись, как это сделал Карузо. Моя мечта — монозапись на старом записывающем устройстве, на воске. Я хочу звучать так, как певец, которого уже нет. Ибо, дружище, вы, конечно, знаете, что умерший певец — лучший певец.